

АГНОНИМ КАК ЕДИНИЦА ЛЕКСИКОНА

Е.А. Зайцева

Тверской государственный университет, Тверь

Феномен агнонимии рассматривается в статье с точки зрения теории индивидуального знания. При изучении проблем, связанных с лексиконом, словом и значением, исследователь берется за сложную работу, так как сам предмет исследования очень сложен. Нельзя основываться на понимании слова как абстрактной единицы языковой системы. Слово следует трактовать как единицу лексикона, представляющего собой динамическую самоорганизующуюся систему.

Ключевые слова: агнонимия, агноним, лексикон, индивидуальное знание.

Изучение словарного запаса человека является сложной задачей психолингвистики. Проблема состоит в том, что вокабуляр не статичен, он постоянно меняется, и у каждого человека это сугубо личный процесс. Так, на родном языке рост словаря индивида идет вместе с ростом знаний о мире, претерпевая внутренние перестройки, и на каждом этапе словарь личности является гармоничной системой, адекватно отвечающей коммуникативным запросам своего владельца. Рост словаря билингва также зависит от индивидуальных способностей человека. Процессы перехода слов из центральных в периферийные зоны и наоборот неизбежны также, как неизбежны процессы забывания некоторых слов, кстати, поэтому деление словарного запаса на продуктивный и рецептивный достаточно условно. Лексикон человека – сложная, самоорганизующаяся, постоянно изменяющаяся единая система, и проведение четких границ между ее составляющими невозможно [3]. Простое деление словарного запаса на продуктивный и рецептивный является неприемлемым, так как такое деление упрощает и искажает представление об организации лексикона индивида, и поэтому допустимо лишь для решения некоторых практических задач обучения лексике.

Интроспективные методы изучения словарного запаса в последние годы завоевывают популярность, поскольку они обращаются непосредственно к обучаемому, его интуиции, суждениям об изучаемом языке [5: 64]. Р.М. Фрумкина указывает на то, что при обращении к интроспекции исследователь и объект исследования совмещаются в одном лице. Она обращает внимание на то, что результаты интроспекции не могут считаться проверяемыми, так как не доступны контролю извне. Но это не означает, что интроспекция бессмысленна и вненаучна. Надо лишь помнить, что, наблюдая за собственной психикой, мы изменяем ее («пользуемся то розовыми, то черными очками»), т.е. наблюдение оказывает влияние на наблюдаемое, и, если у нас нет глубокой рефлексии по поводу наших исследовательских процедур, то мы рискуем «впасть в субъективизм» [там же].

Изучение тезауруса и лексикона языковой личности имеет важное прикладное значение, в первую очередь для решения задач в сфере образования. Это необходимо для оценки реального словарного запаса нашего современника, для реализации целого ряда практических задач (формирование

научно обоснованных моделей обучения русскому языку, создание новых коммуникативно-ориентированных словарей). В лингвистике понимание рассматривается как одна из важных составляющих речемыслительной деятельности, в фокус внимания перемещается слово, являющееся, с одной стороны, единицей лексикона индивида, с другой – единицей текста. На ключевую роль слова как средства взаимопонимания указывает А.А. Залевская: благодаря слову «высвечивается» определенный фрагмент образа мира, обеспечивающий саму возможность речемыслительной деятельности и взаимопонимания при общении [4].

Проблема адекватного восприятия текста становится одной из наиболее актуальных проблем гуманитарного образования, при этом принципиально важно, что глобальная проблема понимания в значительной степени связана с богатством словаря личности. При характеристике речевого поведения говорящего и слушающего важно различать ошибки говорения и ошибки понимания. «Связь между ними не подлежит сомнению: синтез речи неотделим от ее анализа. Ошибки говорения (мы используем этот термин в условном смысле – применительно не только к устной, но и к письменной форме речи) более очевидны, так как поддаются непосредственному наблюдению, фиксации. Ошибки понимания выявить труднее; как правило, для этого требуется проведение специальных экспериментов. Чаще всего встречаются лексико-семантические ошибки понимания, заключающиеся в неверном (то есть не соответствующем норме) определении значения слова <...>. Многие ошибки говорения прямо обусловлены ошибками понимания: если, например, учащийся неверно понимает значение того или иного слова нормативного языка, то он может неверно использовать его в своей речи» [9: 14].

Ошибки понимания предстают в новом свете и могут привести к ещё большему недоразумению, когда этот учащийся – студент факультета иностранных языков, в своем непонимании значения слова на родном языке переводит его на иностранный, придавая всему тексту совершенно другое значение. Так, совсем недавно на уроке английского языка студентка (причем одна из лучших по результатам ЕГЭ) перевела с русского языка словосочетание хорошенькая девочка как *a good girl* (подменяя слово *хорошенький* словом *хороший*). Таким образом, симпатичная девочка потеряла свои привлекательные внешние черты, став просто хорошей.

Был также случай, когда *my daughter-in-law's house* превращался в *my fiancée's house*, по той же самой причине: *невестка* ошибочно воспринималась как *невеста*. И хотя говорящей о той самой невестке была женщина, тем не менее, это не смутило переводчика.

Существует огромное количество методик, которые стремятся оценить словарный запас, его широту или глубину. В свете данной проблемы интересен подход В.В. и А.В. Морковкиных [7], являющийся уникальным в своем роде, так как исследователи поставили перед собой прямо противоположную задачу: выяснить, какие слова носитель языка не знает. Они предлагают считать агнонимом, т.е. словом, которое мы не знаем, лексическую единицу,

относительно которой носитель языка может сказать: 1) совершенно не знаю, что значит слово; 2) имею представление только о том, что слово обозначает нечто, относящейся к определенной, весьма широкой сфере; 3) знаю, что слово обозначает нечто, относящееся к определенному классу предметов, но не знаю, чем именуемый предмет отличается от других предметов данного класса; 4) знаю, что слово обозначает определенный предмет, но не знаю конкретных особенностей этого предмета, способов его использования или функционирования; 5) знаю, что обозначает слово, но не представляю, как выглядит соответствующий предмет; 6) знаю слово в связи с особенностями своего жизненного опыта и своей специальности, но предполагаю, что многие другие люди его не знают или знают недостаточно [7: 106].

В.В. и А.В. Морковкины трактуют агноним как антропоцентрическую единицу лексической системы (т.е. она отражает отношение говорящего к элементам своего лексикона, способ существования этих элементов в его сознании [7]). Они указывают: «Особенно рельефно антропоцентрическая сущность агнонимов выявляется при сравнении этой лексической единицы с её ближайшим лингвоцентрическим аналогом, в качестве которого выступает категория редких слов» [7: 87]. Отличие редких слов от агнонимов в том, что первая категория свидетельствует лишь о частоте употребления слова в текстах и совершенно не касается того, представляет ли оно какую-нибудь трудность для носителей языка или нет. Второе понятие ничего не сообщает об объективной частотности слова, акцентируя внимание на его непонятности (т.е. есть редкие слова, которые не представляют никаких трудностей для большинства носителей языка, и есть непонятные слова, которые вовсе не являются редко употребляющимися). К числу агнонимов В.В. и А.В. Морковкины относят, прежде всего, «... мощный и мутный поток иностранных слов, хлынувший в наши дома с экранов телевизоров и со страниц газет...» [7: 88]. Но заимствование слов из других языков – естественный и закономерный процесс, характерный для любого развитого языка. Народы, страны, государства живут и развиваются не изолированно друг от друга, а вступая во взаимные контакты. Контакты же между народами – это и контакты разных языков, их взаимные связи и взаимовлияние, которое выражается, прежде всего, в заимствовании слов из языка в язык. Поэтому разумное отношение к заимствованиям – это не отказ от их использования, а правильное понимание значения того или иного иноязычного слова, его смысловых оттенков, стилистической окраски, особенностей сочетания с другими словами.

В.В. и А.В. Морковкины считают, что «... одна из возможных методик формирования корпуса русских агнонимов может основываться на условном приравнивании словарного запаса русской языковой личности к словарному запасу исследователя, полагая, что основанием здесь служит положение, согласно которому различия между лексической компетенцией любых двух языковых личностей, сформировавшихся в сходных условиях языковой социализации, пренебрежительно малы по сравнению с отстоянием словарного запаса любой конкретной языковой личности от словарного запаса

соответствующего этноса...» [7: 192]. Таким образом В.В. и А.В. Морковкины осуществили формирование корпуса русских агнонимов путем так называемого «просеивания всех ЛСВ, зарегистрированных в МАС, через сито приведенных критериев» [7: 106]. В соответствии с разработанными критериями В.В. и А.В. Морковкины сформировали корпус русских агнонимов, включающий 8813 единиц.

В попытке подойти к проблеме знания слов с другой стороны, от отрицательного ее полюса – «незнания слов», мы также решили провести экспериментальное исследование на материале слов, называемых В.В. и А.В. Морковкиными агнонимами. Действительно ли типичный носитель языка не знает слов именно такого рода? Как манифестируется это незнание, как осуществляется переход от незнания к знанию слова? В качестве стимулов для эксперимента были подобраны 13 слов. Испытуемыми (далее – ии.) были студенты 3-го курса английского отделения Факультета иностранных языков и межкультурной коммуникации. Эксперимент проводился в 1999 году. Подбирая слова для списка стимулов, мы руководствовались следующим: слова не должны входить в активный запас ии., но при этом могли бы быть знакомыми благодаря средствам массовой информации. Слова, составившие список, были выбраны нами из нескольких номеров «Российской газеты»: БОТАНИК, БЫДЛО, ВЕНДЕТТА, ГОРБЫЛЬ, ДЕВАЛЬВАЦИЯ, ИНФЛЯЦИЯ, ИМПИЧМЕНТ, КОНГЛОМЕРАТ, КОНТИНГЕНТ, МОРАТОРИЙ, ПАТОВЫЙ, РАДЕТЬ, РЕЕСТР и некоторые другие. Нами привлекались соответствующие статьи из «Советского Энциклопедического Словаря» [8], так как это лексикографическое произведение содержит как языковую, так и энциклопедическую информацию, что очень важно в целях учета разных видов знания, на которое индивид может опереться при понимании значения слова.

Результаты исследования 1999 года уже описывались нами в некоторых статьях [1; 2]. Однако, недавно, услышав в беседе двух девушек о «патовом лаке», я снова вспомнила тот эксперимент. Из имеющегося списка слов-стимулов были выбраны те слова, которые могли бы показать какие-либо изменения в лексиконе, например, в лексиконе молодёжи. Нескольким студентам младших курсов университета и старшеклассникам школы было предложено дать определение или привести синонимы к словам БОТАНИК, БЫДЛО, ПОХЕРИТЬ, ПРИКОЛ, ФИЛЬДЕПЕРСОВЫЙ. Кроме того, приветствовалось составление словосочетаний или предложений с предложенными словами.

Говоря о реакциях на слово-стимул БОТАНИК, следует заметить, что помимо уже знакомого «человек, который много / слишком много уделяет внимания учёбе», появились новые, например, в бланках ответов было указано, что сегодня слово «ботаник» употребляется значительно реже, его место занимает «ботан» (причём с ударением не только на втором слоге, но и на первом!).

К реакциям на слово ПРИКОЛ добавились современные *рофл*, *лол*, *пранк*. По завершении эксперимента я попросила объяснить происхождение этих

единиц. Оказалось, что эти лексические единицы пришли из интернета: *LOL* (он же *ЛОЛ*) – это интернет мем, пришедший из английского языка, обозначающий «громкий раскатистый смех», являющийся прямым синонимом отечественного «ХА-ХА-ХА». Возникло слово из аббревиатуры (сокращений) фраз *Laughing Out Loud* или *Lots Of Laughs* – первый вариант означает «громко вслух смеюсь», второй – «много смеха». То же самое произошло с *рофлом*: это русская версия английской сленговой аббревиатуры *ROFL*, которая расшифровывается как *Rolling On the Floor Laughing*. В переводе на русский язык эта фраза означает «катаюсь по полу от смеха». Реакция *пранк* – тоже результат заимствования: *пранк* (*prank call* от английского *prank* «проказа, выходка, шалость, розыгрыш, шутка») – «телефонное хулиганство», «телефонный розыгрыш». Люди, практикующие *пранк*, называются *пранкерами*. Пранкеры звонят жертве по телефону (обычно анонимно) и путём провокаций и подшучиваний вынуждают собеседника к яркой ответной реакции. Нередко общение в рамках розыгрыша записывается и в дальнейшем распространяется в Интернете. К слову, для нас эти реакции были агнонимами.

Что касается слова-стимула *БЫДЛО*, то, если 20 лет назад среди реакций часто попадались примеры типа *Народ – не быдло!*, то сегодня это *люди, не соблюдающие нормы культуры речи, распивающие спиртные напитки на детской площадке и мешающие своим быдловатым поведением другим людям, быдло обычно курит и пьёт, ругается матом*. Очевидно, что раньше это был слоган протеста людей против отношения правительства к народу, как к скоту, бесправному и бессловесному. А сегодня образ быдла оброс совершенно другими чертами.

Слово-стимул *ФИЛЬДЕПЕРСОВЫЙ* особого отклика не нашло, это либо «какая-то ткань из бабушкиного шкафа» или «дедушкин пиджак», либо слово просто не знакомо.

Слово *ПОХЕРИТЬ* всё также вызывает ассоциации с «потерять какую-то вещь», «испортить», часто – «испортить жизнь». Однако слово отмечается как нецензурное.

Бурные изменения, характеризующие русскую речь последнего десятилетия, в наибольшей степени связаны с лексическим уровнем языка. Широкое использование огромного числа новых заимствований, в том числе терминов, массовое проникновение в лексикон среднего носителя языка субстандартной лексики, возвращение в активное употребление лексических единиц, в течение десятилетий относимых к числу историзмов, и в то же время уход в пассив слов, обозначавших ушедшие реалии советского быта, – все эти процессы связаны с проблемой адекватного понимания, а понимание, в свою очередь, определяется объемом и качеством индивидуального лексикона.

Термин агнонимы представляется очень удачным в терминологическом плане, в высшей степени актуальным в аспекте психо- и социолнгвистики, перспективным для преподавания русского языка и культуры речи. Он удачно передает, с одной стороны, индивидуально-личностный характер

незаполненных ячеек в лексиконе носителя языка, а с другой – позволяет выявить типичные для современной языковой личности зоны агнонимической активности.

В агнонимах отражается отношение говорящего человека к собственному лексикону, способ существования лексических элементов в человеческом сознании. Исследование индивидуального лексикона позволяет определить лакуны в словаре личности, выявить соотношение полных и частичных агнонимов, определить зоны «коммуникативного риска», связанные с возможным непониманием коммуникантов.

Закончить свою статью мне бы хотелось словами Максима Кронгауза: «Я, в принципе, не против сленга (и других жаргонов). Я просто хочу понимать, где граница между ним и литературным языком. <...> Я, в принципе, не против брани. То есть если мне сейчас дать в руки волшебную палочку и сказать, что одним взмахом я могу ликвидировать брань в русском языке или, по крайней мере, русский мат, я этого не сделаю. Просто испугаюсь. Ведь ни один язык не обходится без так называемой обценной лексики, значит, это кому-то нужно. Другое дело, что чем грубее и оскорбительнее брань, тем жестче ограничения на ее употребление. <...> Я, в принципе, не против заимствований, я только хочу, чтобы русский язык успевал их осваивать, я хочу знать, где в них ставить ударение и как их правильно писать. Я, в принципе, не против языковой свободы, она способствует творчеству и делает речь более выразительной. Мне не нравится языковой хаос (который вообще-то является ее обратной стороной), когда уже не понимаешь, игра это или безграмотность, выразительность или грубость. <...>

Главное мое желание состоит в том, что я хочу понимать тексты на русском языке, то есть знать слова, которые в них используются, и понимать значения этих слов» [6: 26-27].

Список литературы

1. Зайцева Е.А. Некоторые особенности понимания «агнонимов» // Психолингвистические исследования: слово и текст: Сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С.28–35.
2. Зайцева Е.А. Новикова И.В. Знание слова и владение словом: особенности восприятия и идентификации слов родного языка (на примере существительных «БОТАНИК» и «БЫДЛО») // Психолингвистические исследования: слово и текст: Сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. С. 18-25.
3. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990. 206 с.
4. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. М.: Российск. Гос. гуманит. и-нт, 1999. 382 с.
5. Залевская А.А. Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия: Учеб. Пособие. Тверь: Твер. гос ун-т, 2002. 194 с.
6. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. 3D/Максим Кронгауз. М.: Астрель: CORPUS, 2012. 480 с.
7. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997. 414 с.

8. Советский энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова и др. М.: «Советская энциклопедия», 1980. 1600 с.
9. Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1982. 143 с.

AGNONYM AS A VOCABULARY ITEM

E. Zaitseva

Tver State University, Tver

The article considers the phenomenon of agnonymy in the aspect of the individual vocabulary theory. The interrelation problems of the language, the conscious mind, cultures and people play an important role in Russian and foreign psycholinguistic research works. Word knowledge provides fertile ground for psycholinguistic studies and raises fundamental questions though new popular terms do not always reflect new approaches to current problems of psycholinguistics. Knowing a word is generally considered to be a matter of knowing the word's meaning. But it seems obvious to us that words are interrelated in diverse and complex ways.

Key words: psycholinguistics, vocabulary items, individual vocabulary, agnonym, word knowledge, communication.

Об авторе:

ЗАЙЦЕВА Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ГОУ ВПО «Тверской государственный университет» (170100 г. Тверь ул. Желябова, 33) e-mail: e_zaitseva@mail.ru